

отдельном случае формула Задонщины легко может быть объяснена из Слова. Но невозможно иногда из запутанных и порою, даже по мнению Мазона, темных формул Задонщины вывести законченные развитые метафоры Слова. Наконец, вся центральная часть Задонщины построена на одном художественном образце — на Слове, который автор оставляет лишь для того, чтобы деловито описать событие. Но Слово в изображении Мазона постоянно вынуждено оставлять свой „*modèle principal*“: от Задонщины автор его будто бы бросается к рыцарским романам и романсам, затем к Минеям, повести об Акире и Девгениеву Деянию, оттуда к Татищеву, Щербатову и Болтину, снова к летописи и, наконец, к Оссиану. Этот „автор“ то представляется псевдо-классиком, то преромантиком, оссианистом. Обращение его с источниками — никому, кроме Мазона, непонятно: имея, например, рассказ о событии в Ипатьевской летописи, этот автор почему-то прибегает к пересказам Татищева и Щербатова; замечая следы своей фальсификаторской работы, этот „автор“ уничтожает именно те источники, которые могли бы подтвердить древность сочиненной им повести (Задонщину, Сборник, где были повести об Акире и Девгениево деяние), но намеренно в примечаниях цитирует те сочинения XVIII в., которые, по Мазону, он обильно использовал и которые как раз могут навести читателя на сопоставления и на мысль о подделке (Татищева, Щербатова и других). Признавая текст издания 1800 г. принадлежащим неизвестному нам автору XVIII в., Мазон все же предлагает к нему ряд поправок, чтобы этот текст стал в некоторых местах понятнее. Но какое же право мы имеем исправлять авторский текст? Мазон совершенно запутался в последней статье между автором, переводчиком и издателями Слова. Получается так, что издание делалось без участия автора, перевода он также не только не делал, но и не видел, поэтому остались непонятные переводчиками места, какие-то их ошибки.

„Темных мест“ в рассуждениях Мазона о Слове и Задонщине так много, что не представляется никакой возможности распутать их. Между тем все ясно и понятно, когда мы выводим Задонщину из Слова.

Как видно было из предыдущего изложения, А. Мазон не только не выяснил оставшихся неисследованными вопросов о происхождении и дальнейшей судьбе Задонщины, но окончательно запутал их. Объем первоначального текста, его источники, литературная история, поскольку она может быть нарисована на основании сохранившихся списков, — все это в статьях „реабилитирующего“ повесть А. Мазона представлено крайне субъективно, легковесно и потому совершенно неубедительно. И, — что особенно подрывает научное значение статей А. Мазона, — он отрывает литературные памятники от создавшей их эпохи; в их идеологическом осмыслении он не идет дальше, определения их „языческого“ или „христианского“ характера; с непонятым легкомыслием по-своему оценивает значимость тех или иных событий русской истории и на этих оценках строит затем свои рассуждения. Антиисторичность и субъекти-